



Коллаж: «Медуза»

27.08.2021, 17:42 [Вся Россия](#)

[СТАТЬИ](#)

## «Медуза»: Вы — враги Отечества, и вас нужно вешать на столбах

### ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

Летом 2021 года природа политического насилия в России изменилась. Собранная из отдельных законопроектов и поправок репрессивная система — четыре вида «иноагентов», реестр «нежелательных» организаций и список экстремистов — заработала как единое целое. Разгромив оппозицию, государство атаковало СМИ. С апреля семь редакций и еще 20 журналистов были объявлены «иностранными

**агентами». Одно медиа стало «нежелательной» организацией. Несколько сайтов заблокированы, несколько изданий закрылись; оставшимся без «статуса» угрожают проверками и судами. Ведомства, участвующие в кампании по укрощению независимых СМИ, действуют скоординированно и стремительно — однако об устройстве этой системы мы до сих пор знали немного. Спецкор «Медузы» Лилия Яппарова восполняет этот пробел — и рассказывает, какую реальную роль играют в этой кампании «доносчики» и отдел расследований RT, что сейчас происходит внутри Минюста — и кого можно считать реальным «заказчиком» этой кампании.**

Вечером во вторник, 10 августа, активист Александр Ионов скинул мне в мессенджер весело улыбающийся эмодзи: 😊

«А если вскоре вас признают „нежелательной“ организацией, редакция сильно обидится?» — спросил Ионов, по заявлению которого несколько месяцев назад «Медузу» объявили «иностранным агентом».

Накануне я расспрашивала Ионову о его роли в кампании против независимых СМИ, развернувшейся в России. После разговора он как будто встревожился и продолжил активную, но явно угрожающую переписку. Например, отправил мне рекламу корейского крема с экстрактом медузы *Rhopilema* (для получения ценного коллагена купол медузы **измельчают** до мельчайших волокон), а также посоветовал почитать отчетность американской Ассоциации развития журналистики (она связана с авторитетной международной сетью исследователей OCCRP, но не с «Медузой»).

«Пока фактуру подержим у себя. Вдруг „Медуза“ станет лучше? Каждый имеет право на исправление, — продолжал угрожать Ионов, выдерживая паузы. — А то, я смотрю, как-то вы сильно везде активизировались».

С тех пор Ионов присылает мне сообщения практически каждый день.

## «ЭТО АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА ПРОЕКТ»

В середине лета 2021 года — в разгар кампании против независимых СМИ — телеведущий Владимир Соловьев и директор СВР Сергей Нарышкин встретились в штаб-квартире спецслужбы — в слабо освещенном «кабинете истории разведки», увешанном сотнями фотографий ее ветеранов и зарубежных агентов.

В конце интервью Соловьев вдруг спросил Нарышкина про журналистов. «То есть вы видите ниточки, — ведущий начал прясть руками в воздухе, — как управляют, кто управляет? Видите такую паутину? <...> Якобы независимые российские СМИ, но юрлица зарегистрированы в Америке, деньги выделяются из Америки — как те же „Важные истории“, либо „Проект“ баданинский, либо The Insider доброхотовский?» (имеются в виду руководители изданий: Роман Баданин — главред «Проекта», Роман Доброхотов — шеф-редактор The Insider).

«Там сложная режиссура», — согласился Нарышкин. И добавил, что все три издания связаны в одну «тонко построенную» сеть.

«Там не только те три — там все в одной связке! — заочно поправляет главу СВР Александр Ионов. — Просто Нарышкин меньше знает, чем мы».

По мнению активиста, «всю мировую повестку» контролируют финансируемые через сеть западных фондов «транснациональные СМИ». «Об этом даже упоминается в книге [бывшего госсекретаря США] Хиллари Клинтон, у которой есть свой такой фонд, —

уточняет Ионов. — Независимой журналистики практически нет. Это как шахматная доска: играют два гроссмейстера, передвигают фигуры».

Весной 2021 года — после того, как заявление Иопова на «Медузу» было молниеносно рассмотрено Роскомнадзором и Минюстом, — активист заявил о создании целого «комитета по выявлению иностранного вмешательства», подал иск к «Новой газете» и пожаловался на «Важные истории» («Важные истории» и их журналисты были объявлены «иноагентами» 20 августа; «Новая» остается одним из немногих заметных независимых изданий в России без этого статуса).

Готовить документы на «иноагентов», по собственному утверждению Иопова, ему помогают два юриста. А составление жалобы, например, на «Медузу» обошлось активисту «больше чем в 100 тысяч рублей». Деньги на это у Иопова гипотетически есть. Судя по данным из базы СПАРК, в 2020 году оборот компании Иопова «Миллион» (именно так — с одной «л») составил около 70 миллионов рублей; специализируется она на поставках бытовой химии и офисных принадлежностей в бизнес-центры.

«Комитет по выявлению иностранного вмешательства», который пока существует только в виде концепции, Ионов хочет зарегистрировать как автономную некоммерческую организацию (АНО). «Уже подтащил туда разных общественников, — рассказывает активист. — Многие ребята спрашивают: „Это администрации президента проект?“ Я сразу снимаю этот вопрос: „Нет, я создатель. И другой поддержки не будет“».

Знакомый с Ионовым собеседник «Медузы» несколько иначе описывает планы общественника — и его связи с администрацией президента (АП). «Он сейчас с АП по журналистам работает, — говорит источник. — К 15 августа обещал создать целую сетку: подобрать

активистов, чтобы они писали [жалобы на иностранное финансирование] и тормозили [помимо редакций еще и] НКО». Слышал о таких связях Ионова от своих собеседников в аппарате президента России и основатель правозащитного проекта Gulagu.net Владимир Осечкин. «Ионов работал по мидовским, внешнеполитическим темам, но вводные получал в АП», — утверждает правозащитник.

Сам Ионов настаивает, что отношения с АП у него «не сложились»: «Я там был несколько раз, не отрицаю, но общался исключительно по внешнеполитическим историям — в последний раз год назад по Йемену. И, к сожалению, у нас ни один проект так и не родился».

Одну из своих жалоб — на американский Бард-колледж (вскоре после этого объявлен «нежелательным») — Ионов направил через структуру под названием «Координационный совет некоммерческих организаций РФ» (КС НКО), которую возглавляет Антон Цветков, известный общественник и человек, в прошлом тесно связанный с администрацией президента России. При этом Ионов состоял сразу в двух проектах Цветкова — движениях «Офицеры России» и «Сильная Россия». Он поддерживает эти отношения до сих пор.

Цветков до сих пор остается «очень понятным для АП человеком», говорит его знакомый. «Антон не отрицает, что работает с АП», — продолжает собеседник. О сотрудничестве главы КС НКО с администрацией рассказывает и источник, недавно пытавшийся найти работу в одном из проектов общественника. Эти сведения подтверждает хорошо знакомый с Цветковым по работе с ОНК Владимир Осечкин из Gulagu.net.

В 2013 году Цветков возглавил московскую Общественную наблюдательную комиссию, наполнил ее своими сторонниками — и полностью подчинил

интересам властей. «Переформатировать ОНК — вероятно, это было первое задание, которое ему дали, — вспоминает журналистка и член ОНК в 2008–2016 годах Зоя Светова. — Кто дал? Я предполагаю, что администрация президента».

Всероссийская «реформа» ОНК готовилась с 2012 года: именно тогда администрация президента **поручила** первому заму секретаря Общественной палаты Владиславу Грибу контроль над формированием наблюдательных комиссий. Осечкин утверждает, что в 2013-м лично присутствовал на закрытой встрече в кабинете у Гриба — и наблюдал, как тот вместе с Цветковым и представителями ОП формирует списки будущих членов ОНК Москвы.

«Кого-то они вычеркивали, кого-то, наоборот, вносили, — вспоминает Осечкин. — [Бывшая сотрудница управления по внутренней политике ОП] Марика Коротаева принесла из администрации перечень тех, кого пропустить в ОНК, а кого — нет. Через несколько часов началось заседание совета ОП, который якобы „утверждал“ эти списки, — но я своими глазами видел, как это происходило на самом деле».

Списки утверждал именно совет Общественной палаты, а не сотрудники ОП, настаивает Цветков в разговоре с «Медузой». А сам он, по его словам, никакие свои заявления с ОП не координирует. «„Иноагентами“ занимаются две профильных комиссии — в Госдуме и Совфеде, — уточняет общественник. — Координируют они [свои действия с исполнительной властью] или нет, я не знаю».

В администрации президента к моменту публикации этой статьи не ответили на вопросы «Медузы».

<https://meduza.io/feature/2021/05/20/poznakomtes-s-aleksandrom-ionovym-chelovekom-kotoryy-napisal-donos-na-meduzu-potrebovav-priznat-ee-inostrannym-agentom>

## «ОН КАК ТРУФФАЛЬДИНО ИЗ БЕРГАМО»

30 июля я получила сообщение от Романа Баданина. Только что **объявивший** об отъезде в США главред «Проекта» писал с незнакомого аккаунта в телеграме — и для знающих его людей звучал чересчур сентиментально. «Тут мы никому не нужны, пришлось снять маленькую комнату под мостом. Все очень дорого, — жаловался „Баданин“. — ЦРУ нам не помогает, сейчас ищу работу в местных таблоидах. Обнимаю. Будь осторожна».

«Баданин» также решил высказаться по поводу Виталия Бородина, ветерана МВД и активиста, по жалобе которого в прокуратуру «Проект» и объявили «нежелательной» организацией. «Мне предоставили всю информацию по Бородину, — поделился „Баданин“. — Он офицер спецслужб. <...> Очень серьезный человек в российской системе. Я бы тебя предостерег от темы дальнейших расследований, чтобы не получилось как с нами».

А тремя днями ранее с похожими предупреждениями мне писала «Мария Железнова» — так зовут другую журналистку «Проекта» (теперь уже бывшую).

Чтобы подтвердить, что и «Железнова», и «Баданин» — фейки, даже не пришлось анализировать ID их аккаунтов в телеграме: сообщения появлялись буквально в одной и той же переписке — и можно было даже наблюдать, как ее автор меняет в своем аккаунте никнеймы и аватарки. Чуть позже изменения остановились — на снимке Бородина, **взятом** из его инстаграма.

Эта простодушная попытка повлиять на журналиста — поступок вполне в духе Виталия Бородина. Основатель Gulagu.net Владимир Осечкин познакомился с активистом весной 2015 года на антикоррупционной **конференции**. «Остальные — более-менее приличные: общественники, деканы каких-то факультетов МГИМО. А Бородин — синий костюм, золотые «голды»-часы, кулаки, набитые силиконом, — такая бычка! — вспоминает Осечкин. — Я подумал, что он тоже из тех громил, которые на разборки ездили и кулаками себе жизнь прочищали — и прочистили так далеко, что пришлось надевать костюм и надувать щеки».

Но со времен той конференции многое поменялось. Бородин **регулярно бывает** на праздниках в Кремле и почти на **каждой большой службе** с участием патриарха; его жена **устраивает** армрестлинг с Марией Захаровой из МИД РФ; **есть совместные фотографии активиста** с другими важными политическими персонами: Аксеновым, Неверовым, Песковым и Турчаком. Обо всем этом можно узнать из инстаграма общественника: его знакомые говорят, что сторис он записывал даже в коридорах администрации президента.

«Он как Труффальдино из Бергамо! — рассказывает „Медузе“ бывший чиновник, хорошо знающий Бородина. — На мероприятиях за ним все время фотограф ходит — я так понял, личный. Бородин специально подходит познакомиться, его в это время фотографируют — а он потом выкладывает снимок: „Вот я с генералом

таким-то, обсудили важные вопросы, ищем пути решения“.

Ему пропуск в прокуратуру сделали — а он возле кабинета [бывшего генпрокурора Юрия] Чайки стал видео снимать, будто к Чайке сейчас зайдет на совещание».

Снимки делает не профессиональный фотограф, а личный помощник, объяснил Бородин «Медузе». Но сопровождает он Виталия действительно постоянно: например, только за один авиасалон МАКС активист успел поздороваться сразу с секретарем Совета безопасности России Николаем Патрушевым и министром внутренних дел Владимиром Колокольцевым, вспоминает знакомый Бородин: «А потом этой фоткой можно двери открывать».

Не хватает в инстаграме общественника только снимка с президентом: четыре года назад он попытался его получить — и был задержан сотрудниками ФСО, рассказали «Медузе» три знакомых активиста.

23 декабря 2017 года Бородин — в то время советник главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова на общественных началах — появился на съезде «Единой России». «Начал со всеми фотографироваться, шороху наводить. А потом увидел главную звезду, от которой у него башню снесло окончательно, — Владимира Владимировича Путина», — вспоминает в разговоре с «Медузой» бывший чиновник. Но в зону, где находился президент, активиста не пустили даже с корочкой советника Евкурова. «Его попросили уйти, они начали толкаться — в итоге один из фэсэошников споткнулся, — описывает знакомый Бородин. — Все случайно, но оформили как неповиновение».

Бородин тут же задержали, утверждают три собеседника «Медузы». Согласно имеющейся в распоряжении издания копии справки СООП о правонарушениях активиста, в тот день его подвергли административному аресту **по статье КоАП 19.3 часть 5** — то есть «неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органов

государственной охраны». Сам общественник отрицает, что эти события когда-либо происходили.

Задержание на съезде не обошлось без последствий: у Бородина отобрали пропуск в Госдуму. «Если вы в черном списке ФСО, то дальше бюро пропусков вы в Думе не пройдете, даже если вам пять разных депутатов пропуск выпишут, — рассказывает бывший сотрудник „Федерального проекта по безопасности и борьбе с коррупцией“ (ФПБК, организации, которую зарегистрировал в Мытищах Бородин). — Так как он зацепился с ФСО, восстановить пропуск могли тоже только с их одобрения».

Уже к осени 2018 года Бородин снова начал появляться на заседаниях в Госдуме: как утверждает бывший соратник общественника, с пропуском ему помог новый знакомый — президент Международной федерации бокса и бывший глава Федерации бокса России (ФБР) Умар Кремлев, **считающийся** человеком, близким к замдиректора ФСО Алексею Рубежному. «Бородин упоминал, что ему „через Умара“ восстановили пропуск», — вспоминает собеседник «Медузы». Сам Кремлев не ответил на звонки «Медузы» и вопросы, направленные по почте и в инстаграме.

Бородин отрицает и сам факт изъятия пропуска, и помощь Кремлева в его восстановлении — но подтверждает, что они со спортивным функционером тесно общаются. «Да, мы с ним на мобильном на связи, — заверил активист „Медузу“. — Буквально недавно набирал ему: хочу подъехать в гости». В инстаграме у активиста **выложены** совместные фотографии с бывшим главой Федерации бокса, а в соцсетях у Кремлева появлялись сторис с соратником Бородина — главой тульской ячейки ФПБК Андреем Дубровским.

Бородин сам раньше боксировал — и поехал знакомиться с Кремлевым сразу после его назначения главой ФБР.

Активист даже якобы помог Кремлеву **поменять** руководство спортивной федерации в своем родном регионе — Липецкой области. «Были одни — а сегодня работают другие. А то там сидели какие-то недобоксеры, и постоянно шла дележка спортзалов и финансирования, — делится Бородин. — Мы с Умаром Назаровичем смогли подкорректировать».

После знакомства с Кремлевым Бородин, по-видимому, оказался одним из подрядчиков социологических исследований, которые ФСО проводит в регионах; по крайней мере, вспоминает собеседник «Медузы» из окружения общественника, так заявлял сам Бородин. Два близких к службе источника подтверждают, что активист имеет отношение к сбору фактуры для аналитических справок «по регионам и местным внутриэлитным раскладам».

При этом реального влияния на составляемую ФСО аналитику Бородин не оказывает, подчеркивают все три собеседника. (В самой спецслужбе к моменту публикации этой статьи не ответили на запрос «Медузы».) «Давай достоверно: он участвовал в сборе информации для аналитики по ЦФО [Центральному федеральному округу], — уточняет близкий к службе источник. — А сами данные сводит один несчастный фэсэошник, так что фактически справка будет от него, а не от Бородина. Качество будет ужасное, но всем насрать».

ФПБК продолжает работать в регионах, рассказывает «Медузе» Бородин — в том числе аккумулировать информацию и жалобы: «Мы всегда были с народом: нам пишут тысячи обращений». Сам он настаивает, что никакого отношения к социологической службе ФСО не имеет.

## «ПАТРИОТ СВОЕЙ ВЫМЫШЛЕННОЙ СТРАНЫ»

«А вас „иноагентом“ еще не признали? — начал разговор Виталий Бородин, позвонивший мне днем в пятницу, 20 августа. — Ну следите сегодня за новым списком».

Вечером того же дня Минюст внес в реестр «иноагентов» рекордное количество журналистов и СМИ — и самопровозглашенные борцы с иностранным финансированием узнали об этом на несколько часов раньше всех остальных.

Объективной силой жалобы Бородина, Ионова и Цветкова не обладают. Запускают механизм проверки, который приводит к присвоению изданиям ярлыка «иноагентов», вовсе не они, убеждены опрошенные «Медузой» источники и эксперты, а стоящие за активистами ведомства: по всей видимости, это ФСО и администрация президента России.

По закону без жалующихся в ведомства частных лиц можно и вовсе обойтись, хватит заявления из любого госоргана. Но у нынешней кампании против «иностранного финансирования» СМИ и отдельных людей

появились полноценные «амбассадоры», и это абсолютная новинка.

Раньше имена инициаторов проверок не назывались даже в суде, который настаивал на их анонимности, рассказывает глава «Центра защиты прав СМИ» Галина Арапова (одна из самых известных в России юристок, представляющих интересы журналистов и редакций). Но сегодня власть неожиданно решила продемонстрировать общественности «большую группу патриотов» вместо безымянных пишущих жалобы «физлиц». «Ваш случай, с „Медузой“ — едва ли не первый, когда стало понятно, кто настучал», — удивляется Арапова.

Новое поколение заявителей специально замотивировали отказаться от конфиденциальности, считает социолог, ведущий субботнего политического подкаста «Что случилось» Константин Гаазе. «Бюджет появился, — говорит он. — Я так понимаю, если ты это делаешь с фамилией-именем-отчеством, платят больше». Эти сведения подтвердили «Медузе» еще два осведомленных об устройстве кампании против независимых СМИ собеседника.

Но некоторые активисты подключаются к ней без расчета на бонус и даже без предварительного согласования с властями — пытаются воспользоваться общественным вниманием и промоутировать собственные проекты.

Так, летом 2021 года **тесно связанные** с петербургским бизнесменом Евгением Пригожиным «Фонд защиты национальных ценностей» (ФЗНЦ) и издание РИА ФАН **предложили значительно расширить** списки «иноагентов» и «нежелательных», включив туда «Медиазону», правозащитный проект «ОВД-Инфо» и международную исследовательскую группу Bellingcat. Сам Пригожин **подал** персональный иск к The Insider. Все это было инициативой самого предпринимателя, рассказали

«Медузе» пятеро собеседников, в том числе сотрудники его структур и источник, близкий к внутривластическому блоку администрации президента.

«АП там и близко не было: шеф сводит личные счёты, — утверждает бывший сотрудник структур Пригожина. — Понимаешь, он всегда хотел вас [независимую прессу] замочить. У него к вам классовая ненависть — не исключаю, что он искренне верит, что вы — враги Отечества и вас нужно вешать на столбах. У него в голове — красная империя. Он патриот своей вымышленной страны».

«Граждане, не трудоустроенные в спецслужбы, администрацию президента и другие государственные органы, не обязаны согласовывать свои действия с вышестоящим начальством, — сказано в письме за подписью «творческий коллектив пресс-службы компании «Конкорд'», пришедшем в ответ на запрос «Медузы». — В отличие от иноагентов, которые должны отчитываться перед зарубежными кураторами за каждый шаг, на то они и иноагенты».

Связаны «заявители» и с другим активным участником кампании — телеканалом RT, который занимался «разоблачением» многих независимых СМИ задолго до того, как их начали включать в список «иноагентов» Минюста.

## **«МЫ СМОТРИМ, ЧТО ОНИ ПИШУТ, — И НАЧИНАЕМ НАПРАВЛЯТЬ ЗАПРОСЫ»**

«Как стать иноагентом: RT впервые обнаружил иностранное финансирование „Медузы“» — текст под

таким названием в сентябре 2018 года **открыл** на сайте телеканала новую рубрику: «**Расследование RT**». Изучив публичную отчетность латвийской компании Medusa Project, журналисты **нашли** среди грантодателей издания «партнеров Джорджа Сороса», а в следующей публикации, уже в 2020-м, **рассказали** про выигранный «Медузой» в Латвии государственный тендер на нативную рекламу туризма.

Три года спустя отрывки из двух этих текстов в своей жалобе в Роскомнадзор процитировал Александр Ионов — целыми абзацами, совпадающими вплоть до выбора сокращений и расстановки знаков препинания. Даже копии документов, которые активист приложил к заявлению, идентичны скриншотам с сайта телеканала. Сам Ионов подтвердил «Медузе», что это не случайность.

Жалоба Виталия Бородина, после которой «Проект» объявили «нежелательной организацией», также **выглядит** целиком построенной на **публикации** RT об иностранном финансировании издания. Другие обращения общественника тоже пересекаются с публикациями RT. Так, 3 августа Бородин **прокомментировал** для государственного телеканала деятельность проектов Михаила Ходорковского «Мастерская блогеров» и «Школа местного самоуправления» — а на следующий день **попросил** Генпрокуратуру проверить источники финансирования этих организаций. Вечером того же дня Роскомнадзор заблокировал в России сайты Ходорковского «Открытые медиа», «МБХ медиа» и «Правозащита Открытки».

Бородин признался «Медузе», что материалы RT его вдохновляют: «Мы смотрим, что они пишут, — и уже в рамках этого начинаем направлять запросы».

Ионов рассказал «Медузе», что у него было несколько личных встреч с **главредом** сайта RT Евгением Шпиловым, который, по данным близкого к телеканалу

собеседника, курирует и работу отдела расследований. Более того, Ионов и сам писал для RT об иностранном финансировании российских медиа, рассказал общественник «Медузе».

В разговорах с «Медузой» подающие жалобы на «иноагентов» активисты утверждают, что никак не координируют свою борьбу против иностранного финансирования, а о заявлениях друг друга «узнают из СМИ». «Прочитал про Ионина в «Новой газете», — со смехом говорит Бородин. — Они там даже наши фотографии рядом поставили. Я ему написал тогда: «Привет, доносчик!»»

Несмотря на то, что кампания против независимых изданий — это первый большой проект, публично объединивший активистов, почти все они не только хорошо знакомы друг с другом, но и работали вместе в прошлом, выяснила «Медуза». Так, Бородин с Ионовым готовили гуманитарный груз в Сирию, Пригожин финансировал инициативы Ионина, а Цветков предоставлял площадку для его проектов.

«Почему-то Пригожина взрослые мальчики в такого рода игры внутри страны брать не хотят», — считает социолог Гаазе. «В проект по „иноагентам“ его не пустили — разве что в Питере он [в 2019 году] **несколько энкашек** замочил», — уточняет сотрудник структур бизнесмена. На регулярных совещаниях у главы управления АП по Госсовету Александра Харичева (управление занимается выборами и идеологией) люди Пригожина не бывают, говорит собеседник «Медузы», близкий к внутриполитическому блоку администрации президента. «Даже в коридорах [администрации] я их не видел», — подчеркивает источник.

Возможно, подключаясь к кампании против «иноагентов», Пригожин надеется раскрутить собственные инициативы. Так, жалобу «Фонда защиты национальных ценностей»

на «Медиазону» знакомый с предпринимателем собеседник называет «чистым пиаром ФЗНЦ».

Фонд **создан** в 2019 году как организация прикрытия для специалистов Пригожина, работающих за рубежом, — а теперь должен стать главным «правозащитным» проектом бизнесмена, обращенным к западной аудитории, рассказали «Медузе» три источника: бывший сотрудник структур Пригожина, его знакомый, а также источник, близкий к АП. «Идея состоит в том, чтобы сделать „русский православный Amnesty International“ — и чтобы он выступал экспертным сообществом по проблемам защиты прав человека во всяких жопках мира», — объясняет сотрудничавший с Пригожиным политтехнолог.

Отдел расследований RT регулярно пишет об иностранном финансировании российских медиа (а также о политических проектах Алексея Навального и Михаила Ходорковского): в последние три года телеканал посвящал тексты **«Открытым медиа»** (заявили о прекращении работы, сайт заблокирован в России), **VTimes** (объявлен «иноагентом» и закрылся), **«Важным историям»** (объявлены «иноагентом»), телеканалу **«Дождь»** (объявлен «иноагентом»), **«Радио Свобода»** (объявлено «иноагентом»).

Дело не ограничивается отдельными публикациями: как утверждают собеседники «Медузы», в RT существует собственный список «неблагонадежных» редакций (а также организаций и персон), который за весну и лето 2021 года практически полностью совпал с официальным реестром СМИ — «иноагентов». Источники «Медузы» называют его «картотекой на врагов» — и завести ее, утверждают два близких к телеканалу человека, было личной инициативой Маргариты Симоньян.

«Исторически именно ей принадлежит идея завести картотеку на „врагов“, — говорит близкий к RT собеседник. — Все вот это: собирать отчеты „Медузы“, пробивать регистрацию „Проекта“». «Она рассуждает в категориях предательства: все люди, которые берут деньги у иностранцев — с учетом того, как Запад к нам относится, — предатели», — рассказывает бывший сотрудник телеканала.

«Картотеку» Симоньян ведет уже шесть лет, но с 2018 года ее наполняют сотрудники того самого специально созданного отдела расследований, уточняет близкий к RT собеседник «Медузы». «Им дает указания только она, — рассказывает источник. — Когда их науськивали на [Алексея] Навального после фильма про нее и про мужа, она этим занималась буквально в круглосуточном режиме: «Что нашли? Что накопили? Что делается?»»

Авторы рубрики «Расследование RT» никогда не подписывают свои материалы — и даже внутри редакции сохраняют анонимность. «Эти люди отделены ото всех остальных [журналистов RT], — вспоминает бывший сотрудник телеканала. — Копаются в документах, смотрят, сводят — и получают не просто помой в адрес оппозиции, а тексты с фактурой. Причем довольно пресной».

«Аполитичные молодые мужчины с экспертизой в области экономики и опытом работы в медиаструктурах Арама Габрелянова», — так описывают костяк исследовательской команды два собеседника, знакомые с ее ключевыми сотрудниками. «У них нет никакого политического заряда», — утверждает один источник «Медузы». «Взвешенные, серьезные, без творческой жилки. Умеют читать финансовые документы — им это реально интересно», — добавляет бывший сотрудник RT.

«Можете написать, что отдел расследований появился потому, что Симоньян обиделась», — написала Маргарита Симоньян «Медузе» (на вопросы редакции глава RT **предпочла ответить** постами в своем телеграм-канале до того, как этот текст был опубликован; это распространенная практика среди провластных журналистов и пиарщиков) — подчеркнув, впрочем, что «не знакома» с авторами рубрики.

Отдел расследований RT делится на команды, каждая из которых ведет свой проект: например, только о Навальном и его сторонниках с весны 2020 года в этой рубрике вышло 27 текстов. «Это устроено как тематические группы, — рассказывает близкий к RT собеседник „Медузы“. — Знаю, что была отдельная группа по „Медузе“ — и отдельная группа по Навальному. По Навальному она всегда была больше, и денег там было больше. Пока они сидели занимались ФБК, бабки [на гонорары] сыпались рекой — сейчас Навальный [как тема] закончился, и что делать, они дальше не знают».

Из-за проектного характера работы к сотрудничеству с рубрикой часто привлекают фрилансеров, рассказали три близких к расследователям собеседника: так, утверждают они, иногда отделу якобы помогают сотрудники издания *Vaza*. Его главред Никита Могутин такое сотрудничество категорически отрицает. Он рассказал «Медузе», что два года назад команда RT действительно пригласила его и другого сооснователя *Vaza* Анатолия Сулейманова на переговоры о сотрудничестве — но его условия показались Могутину подозрительными.

Отдел расследований — **подразделение** **дирекции** **русскоязычного вещания RT**, и ее **руководитель** Евгений Шипилов непосредственно участвует в работе «анонимной» рубрики, рассказал ее сотрудник в **разговоре** с «Медузой». «Именно он [Шипилов] курировал

материалы по Навальному и „Открытой России“», — подтвердил лично знакомый с расследователями RT собеседник. (Шипилов не ответил на звонки «Медузы».)

Шипилов — один из-топ менеджеров телеканала, но о его работе почти ничего не известно: за всю карьеру он не дал ни одного полноценного интервью. В своем профиле на отраслевом сайте для работников медиа Шипилов **указал**, что в 2021-м «серия расследований русской редакции» принесла RT премию «Золотое перо России». А двумя годами ранее, получая другую награду, он неожиданно **посвятил** свою торжественную речь Навальному. «Хочется также передать привет одному рыхленькому \*\*\*\*\* [вруну], который пытается бодаться с нами в интернете, но на самом деле добавляет нам больше популярности», — сказал тогда Шипилов.

Непосредственно руководит авторами рубрики Александр Раскин, рассказал «Медузе» близкий к нему собеседник. «Криминальный репортер с источниками в силовых структурах», как описывают его бывшие коллеги, до RT Раскин **работал** в «Коммерсанте», медиахолдинге «Эксперт», «Русском Newsweek», а также **писал** расследования для Life.ru. «Медузе» журналист заявил, что работает не в отделе расследований, о существовании которого он «только слышал», а в гуманитарном проекте телеканала под названием **«Помощь Донбассу»**.

Но на сайте Следственного комитета России его также **называют** «руководителем отдела расследований» RT. В 2019 году Раскин с Симоньян стали серебряными призерами конкурса «по формированию объективного общественного мнения» о работе ведомства. Комментируя это сообщение «Медузе», Раскин добавил, что также занимается «совместным проектом RT и СК по расследованию военных преступлений», — и отправил издание в пресс-службу RT.

Как рассказали «Медузе» два собеседника, хорошо знакомых с работой отдела расследований, входит в его состав также Митя Леонтьев — единственный сын пресс-секретаря «Роснефти» Михаила Леонтьева. «Я даже не знаю, есть ли у нас отдел расследований — и уж точно не имею к этому никакого отношения», — заявил Митя Леонтьев «Медузе».

До RT Митя Леонтьев работал на O2TV и в редакции экономических новостей «России 24». Он не всегда был в кадре, вспоминают они, но «совершенно точно хотел быть ведущим» — и на RT ему такую возможность предоставили. В эфире журналист часто продолжает **темы отдела расследований: спрашивает** у сотрудников ФБК «про фонд Чичваркина и биткойны» или **обвиняет** «Альянс врачей» в профанации.

До 2018 года Митя Леонтьев работал на Life.ru — там же до перехода на RT **публиковался** и один из ключевых сотрудников отдела расследований Тарас Подрез. Подрез упоминается в зарплатных ведомостях телеканала, данные из которых за 2019–2020 годы оказались в распоряжении «Медузы». Его публикации для Life.ru — и по **выбору тем**, и по **подаче** чрезвычайно похожие на будущие расследования RT — прерываются в сентябре 2018 года. Тогда же, в сентябре, на сайте телеканала **появилась** новая рубрика.

Сотрудником отдела расследований Подреза называет и близкий к RT собеседник; бывший коллега журналиста по Life.ru и близкий к менеджменту структур Габрелянова источники «Медузы» утверждают, что на телеканал Подрез переходил именно как исследователь.

**Отчетность** «нежелательного» в России американского фонда NED, **заработки** соратников Навального, **бизнес-неудачи** Чичваркина — постоянными темами отдела расследований RT Подрез занимался еще в середине 2010-х. «Медуза» уже **обращала внимание** на его более

поздние публикации об «иностранном финансировании» — правда, не журналистов, а ученых-генетиков из НИИ гриппа. Это расследование вышло на сайте «Октагон»; Подрез параллельно сотрудничает с целым рядом изданий, в том числе он публиковался в «Секрете фирмы» и News.ru, а также предлагал сотрудничество корреспонденту «Медузы».

Подрез давно пишет и о «Медузе». В 2014-м он первым выяснил, что одна из основателей издания Галина Тимченко зарегистрировала в Латвии юрлицо, а двумя годами позже начал разбираться в финансовых показателях «Медузы» (на RT это превратилось в серию публикаций; все они основаны на публичной отчетности SIA Medusa Project).

Расследователи RT не всегда опираются на сведения из общедоступных реестров, как в текстах, например, про «Медузу», — иногда в их распоряжении оказываются закрытые документы. Так, в февральской публикации об иностранном финансировании «Проекта» журналисты приводят, сопроводив эксклюзив своими водяными знаками, грантовую отчетность, которая могла быть украдена у «Проекта» хакерами в ходе масштабной фишинговой атаки на сервис защищенной переписки Protonmail.

Содержавшая документы почта издания оказалась взломана летом 2019 года, рассказал «Медузе» главред «Проекта» Роман Баданин. «Материалы по нам, как мы понимаем, были получены еще тогда, — считает Баданин. — То есть они это все два года хранили [перед публикацией]».

Доступ к таким чувствительным материалам у журналистов RT есть «только через Симоньян», утверждает лично знакомый с расследователями телеканала собеседник. «И они к ней ходили и говорили: „Ну ты дай нам чего-нибудь“. И она им что-то давала.

Не сразу, через паузу — но что-то приносила. Они сами не знают откуда, — рассказывает источник. — Причем это дорога с двусторонним движением: она им крутит хвост — они к ней прибегают [с наработками] и говорят: „Нашли вот такое — теперь дай ты чего-нибудь“. Она пропадает — потом возвращается и что-то приносит. Или рассказывает. Может, есть какой-то добрый куратор, который с ней пьет кофе или коньяк — и что-то ей сбрасывает».

Телеканал постоянно сотрудничает с ФСБ, утверждают трое собеседников «Медузы». «Информацию им дает ДОИ, творческой свободы никакой», — формулирует знакомый с работой телеканала ветеран ФСБ; по его словам, RT консультируют сразу несколько аналитиков из ДОИ, то есть департамента оперативной информации спецслужбы. «По RT они [ФСБ] запускали материалы в 2017 и 2018 году», — вспоминает еще один близкий к спецслужбе собеседник; слышал о таком сотрудничестве и источник, близкий к АП. В ФСБ на запрос «Медузы» не ответили; Симоньян на вопрос, поддерживают ли сотрудники телеканала контакты со спецслужбами, написала: «Надеюсь, поддерживают».

Но материалы о работе СМИ и НКО поступают на телеканал не только от спецслужб, но и приобретаются — причем на рынке компромата RT приходится конкурировать с другими покупателями.

\* \* \*

Когда в апреле 2021 года «Медузу» включили в список «иноагентов», мы пытались **разобраться**, кто может стоять за этим событием — и собеседники издания указывали на Маргариту Симоньян, а также обращали внимание на ситуацию с российскими государственными медиа в Латвии (где зарегистрирована «Медуза»).

В первой половине 2020 года в Латвии **запретили** вещание семи телеканалов из группы RT и задержали

нескольких журналистов, сотрудничающих с изданиями из структур МИА «Россия сегодня». А в конце марта **начали закрывать доступ** к сайту «Russia Today на русском». «Что там — „Медузу“ уже заблокировали в ответ на блокировку Латвией русских сайтов? Нет? А почему?» — **писала** тогда Симоньян в своем телеграм-канале. Через три недели Минюст внес «Медузу» в реестр «иноагентов», в котором до этого находились исключительно медиа, финансируемые напрямую конгрессом США.

«Симоньян просила [первого замруководителя АП Алексея] **Громова**, чтобы „Медузу“ внесли в „иноагенты“ за Sputnik в Латвии. Это для нее стало последней каплей», — так один из собеседников «Медузы» объяснял логику событий; он и еще один источник издания утверждали, что решение принималось в администрации президента.

Однако вскоре стало ясно, что включение «Медузы» в список «иноагентов» оказалось началом широкомасштабной кампании против независимых СМИ в России. И эту кампанию трудно назвать «зеркальным ответом» на зарубежные проблемы телеканала RT.

## **«НЕ НАДО БЫЛО ЕЗДИТЬ К ХОДОРКОВСКОМУ»**

За последние три месяца журналисты успели прозвать пятницы «черными»: доступный в режиме онлайн **список** «иноагентов» Минюст чаще всего обновляет именно в конце рабочей недели. «Чтобы меньше шума было», — объясняет юрист, работавший с ведомством и знакомый с этой практикой.

Для наполнения списка СМИ и НКО — «иноагентов» в Минюсте создана специальная рабочая группа, рассказал «Медузе» знакомый с ее участниками

собеседник (представитель группы отказался давать интервью со ссылкой на «трудную предвыборную ситуацию»). «В Минюсте действительно есть рабочая группа по поводу отчетов НКО об источниках финансирования», — подтверждает член СПЧ Светлана Маковецкая, бывающая на совещаниях в ведомстве.

«Группа принимает заявления, оценивает доказательную базу, — продолжает близкий к Минюсту источник «Медузы». — Но по факту туда просто напихана куча специалистов, чтобы это [исполнение законодательства об «иноагентах»] хоть как-то работало. Закон сырой — и сейчас приходится раздавать людям дополнительный функционал, сгружать на них «обязалово»: доработать, разобраться, сделать».

Из-за новых условий работы сотрудники Минюста часто находятся «в административном отчаянии», подтверждает другой близкий к ведомству собеседник. «Законодатель выпускает сырые законы, которые нужно выполнять с колес, — и они не справляются, — объясняет источник. — Даже от [главы департамента Минюста по делам НКО Олега] Свириденко звучало, что „вы же должны понимать, что нам и так тяжело, что мы столкнулись с очень большим объемом работы: законодатель плодит...“ — и вот тут он никогда не договаривает, конечно, что это „бешеный принтер“. Никогда этого не говорит!» («Бешеный принтер» — так уже много лет в России называют Государственную думу, которая массово оформляет в виде законопроектов запретительные инициативы власти.)

Не лучше ситуация и в региональных управлениях Минюста. «[В департаменте по делам НКО] зарплата низкая, специалистов мало, — рассказала „Медузе“ сотрудница управления Минюста по Московской области. — Но все стараются! Все привыкли работать чуть ли не на износ, все стараются в сроки успеть».

Никто из собеседников «Медузы» не слышал, чтобы сотрудники Минюста открыто сомневались в содержании закона — разве что полунамеками и выйдя с совещания в коридор. «Дана команда, — убеждена член СПЧ Наталия Евдокимова, изучившая законодательство об „иноагентах“. — Был министр юстиции [Александр Коновалов] в 2012 году — и он в Думе, когда этот закон принимали, сказал: „Вы знаете, он выпадает из общего законодательного ряда, он противоречит всему и вся. Мы не знаем, как его выполнять“. Научились».

Список «иноагентов» курирует заместитель министра юстиции Олег Свириденко — именно после его **распоряжений** пополняется этот реестр. «Это самурай режима, — говорит часто встречающийся замминистра на совещаниях собеседник „Медузы“. — Если это [определение] к кому и применимо, так к Свириденко. Чисто по-человечески он европеец: например, он сроду не говорил про „купленные организации“ или „загнивающий Запад“ — вообще не его риторика. Он понимает, как должны регулироваться НКО — а вот дальше срабатывает механизм „самурайства“: „Но чтобы спасти страну, нужно переступить через собственные взгляды“».

Все решения по «иноагентам» Минюст принимает сам и с правозащитниками не советуется — на консультации с ведомством тем более не попадают «матерые иноагентщики» вроде «Мемориала» или «Сахаровского центра», говорит Маковецкая. «А у нас ведь и не бывает совещаний именно по „иноагентам“ в Минюсте, — прямо во время разговора с корреспондентом „Медузы“ спохватывается Маковецкая. — Бывают — по проблемам НКО, в которых вдруг возникает „иноагентская“ линия, но я ни разу не видела публичных заседаний по „иноагентам“ — даже вспомнить не могу!»

Позиция Минюста заключается в том, что государство — это «единственный взрослый на территории страны», считает Маковецкая. «Думаете, можно в такой конструкции что-то серьезно обсуждать? — сердито отмечает она. — Мы раз за разом разговариваем с органами юстиции и политическими властями — а они говорят: „А чего вы так волнуетесь? Это полторы сотни [организаций] — даже вместе с журналистами у нас до трех сотен не доберется! Это ничтожная вещь — почему все так взбеленились? Ну, не надо было ездить к Ходорковскому“».

Одновременно с развитием законодательства об «иноагентах» менялся и кадровый состав Минюста. «[Из региональных управлений] ушли те, кто что-то про НКО понимал, — пришли люди, готовые проредить поле», — считает Маковецкая. «Если раньше с ними можно было хоть как-то что-то обсуждать, то теперь это уже невозможно, — соглашается Евдокимова, наблюдающая за кадровыми переменами в Минюсте с 2012 года. — Перемена произошла за последние два-три года — потихонечку, по одному человеку: люди увольняются, их увольняют. Убирают тех, кто пытается смягчить удар — потому что предотвратить его они не могут».

«В Минюсте о политике стараются даже не заговаривать, — вспоминает собеседник «Медузы», работавший в министерстве (в департаменте международного права и сотрудничества) до 2019 года. — Если кто-то начнет выражать свои оппозиционные нотки, он просто там работать не будет. Против линии партии идти нельзя. Видел, что вы плашку [о статусе «иноагента» на сайте «Медузы“] вывесили, — и могу сказать, что политическая подоплека там есть. Вещи, которые кому-то не нравятся... Ну, ясно, как их вносят в реестр».

В Минюсте не ответили на вопросы «Медузы».

## «МЫ — ЭТО ЦК»

Накануне признания «Медузы» «иноагентом» бюрократический механизм Минюста дал сбой. Сотрудники «носились и не могли получить окончательную отмашку», вспоминает знакомый с ситуацией в ведомстве собеседник.

«Проблема заключалась в том, что в списке [на признание «иноагентами“] вы были, но они не могли понять, кто этого хочет. Кто конкретно этого хочет. Серьезных оперативных материалов по вам не было — зато было какое-то крупное, но частное пожелание», — говорит источник, который намекает, что это могла быть глава RT Маргарита Симоньян.

Как бы то ни было, по сведениям «Медузы», сигналы о внесении в реестр той или иной организации на протяжении последних лет (и в 2021 году тоже) поступали в Минюст из разных мест.

- Еще в 2016 году Спецсвязь ФСО — подразделение службы, занимающееся социологией, — инициировала проверку конкурирующего с ней центра опросов, рассказал «Медузе» собеседник на рынке таких исследований.
- Образовательный проект «Лаборатория социальных наук SSL», **попавший** в реестр «иноагентов» летом 2021 года, свое первое предупреждение о будущей смене статуса (и, как утверждает близкий к НКО источник, «предложение самоликвидироваться») получил от сотрудников прокуратуры.
- Иногда информация Росфинмониторинга становится единственным основанием и для заведения проверки, и для вынесения Минюстом решения; именно так объявили «иностранным агентом» издание ПАСМИ.
- В администрации президента к кампании может быть подключен «силовой блок», рассказали «Медузе» два вхожих в АП собеседника. Речь идет об управлении внутренней политики, которое в 2016 году возглавил **близкий** к ФСБ Андрей Ярин.

И все же основной оператор кампании против независимых СМИ — это ФСБ, убеждены опрошенные «Медузой» эксперты (сама спецслужба на вопросы к моменту публикации этой статьи не ответила).

Например, на сведения, полученные от ФСБ, Минюст честно сослался при внеплановой проверке пермского медиапроекта «Четвертый сектор», которая привела к его включению в список «иноагентов» 21 августа 2021 года. «Сказали, что „по заявлению [регионального управления] ФСБ есть информация, что вы занимаетесь политической деятельностью“, — вспоминает бывший координатор площадки Анастасия Сечина. Она отмечает, что не видела документа, который бы подтверждал эти сведения:

в распоряжении Минюста об инспекции спецслужба уже не упоминается.

Поручение внести в список «нежелательных» организаций издание «Проект» в Минюст пришло «пакетом — и бумаги были от спецслужб», утверждает знакомый с ситуацией в министерстве собеседник «Медузы». Вне зависимости от того, что стояло в шапке этого документа, составлен он мог быть только в одном месте, убежден исследователь российских спецслужб Андрей Солдатов — во «второй службе» ФСБ (она же служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом), которую уже 15 лет возглавляет генерал Алексей Седов.

В той же «второй службе» написано большинство справок, которые предоставляют Генпрокуратуре или Минюсту необходимые «аргументы» для признания «иноагентами» организаций и СМИ, утверждают собеседники Солдатова в спецслужбах. «„Иноагенты“ — это сейчас их задача, — рассказывает исследователь. — Причем Седов лично этим занимается. Его люди и документы его службы очень часто фигурируют в разработках по иностранному финансированию и „иноагентству“».

Вероятно, те же справки на «иноагентов», составленные в ФСБ, попадают на стол и к Владимиру Путину. Это подтвердил и сам президент во время одного из заседаний Совета по правам человека, отвечая на вопрос правозащитницы Наталии Евдокимовой. («Вопрос, кто ему доносит, неоднократно поднимался на встречах с СПЧ, — вспоминает Евдокимова. — И ответ был такой: „Наталия Леонидовна, представители ФСБ на стол кладут справки, в которых написано ровно противоположное тому, что вы тут рассказываете“».)

Интересно, что внесения телеканала «Дождь» в список «иноагентов» также добивались активисты, связанные с ФСБ.

Однако перечень организаций, предназначенных для включения в реестры «иноагентов» и «нежелательных», составляют не в ФСБ, подчеркивает исследователь российских спецслужб Андрей Солдатов. ФСБ «не обладает возможностью намечать цели», отмечает он — эту роль взял на себя Совет безопасности России, за последние полтора года наладивший тесные «рабочие контакты с руководителями соответствующих подразделений ФСБ типа Седова».

О том, что «вторая служба» ФСБ, которой руководит Алексей Седов, прямо взаимодействует с Советом безопасности по поводу «иноагентов», рассказал «Медузе» и собеседник, близкий к АП. Согласен с ключевой ролью Совета безопасности в этом процессе и исследователь российских элит Константин Гаазе, лично знакомый с участниками заседаний Совбеза и разбиравший в своих **публикациях** законодательные изменения, которые за последние полтора года наделили этот орган власти новыми полномочиями.

Изменение статуса организации на «иноагентский» или «нежелательный» требует согласованных действий целого ряда ведомств — Минюста, МИД, Роскомнадзора, Росфинмониторинга, Генпрокуратуры, — и уровень их координации поражает: то, что обычно заняло бы месяцы переговоров, сейчас укладывается в сутки, отмечает Гаазе. ФСБ вряд ли смогла бы добиться такого, убежден он, — в отличие от Совета безопасности.

Именно на заседаниях Совета безопасности России составляются списки будущих «иноагентов» и «нежелательных», утверждает Андрей Солдатов и еще трое собеседников «Медузы», знакомых с содержаниями этих встреч или документов.

Списки СМИ — «иноагентов» обсуждаются на еженедельных заседаниях Совбеза и готовятся его аппаратом, рассказал «Медузе» собеседник, близкий к АП.

На недавнем апрельском **совещании** Владимира Путина с постоянными членами Совета безопасности «блокада» иностранных медиа действительно обсуждалась, **утверждает** близкий к правительству источник: тогда предполагалось, что статус «иноагента» получат большинство «СМИ с иностранным финансированием на русском языке».

Впервые же «борьба с иностранными влияниями» была оформлена в виде конкретных решений еще в июле 2015 года на расширенном заседании Совбеза, говорит осведомленный о ходе той встречи собеседник «Медузы»; он отказался уточнить, в чем заключались те решения — и как они могут быть связаны с кампанией против независимых СМИ в 2021-м.

Позиция Совета безопасности и даже прямые поручения от него «доводятся до министерств и чиновников», **рассказал** «Медузе» источник в российских государственных органах, знакомый с содержанием подобных распоряжений. При этом принимаемые на заседаниях Совбеза протокольные решения теперь имеют «конституционную, обязывающую силу», считает Константин Гаазе. Так он трактует инициированные Путиным изменения в Конституции и законе «О безопасности», **наделившие** Совбез новыми полномочиями по «рассмотрению вопросов, касающихся... поддержания гражданского мира и согласия».

Совбез остается органом, транслирующим личное влияние президента, напоминает исследователь силовых элит Николай Петров (и именно председательство Путина в совете наделяет его бюрократической силой, позволяющей, например, так быстро пополнять списки «иноагентов», считает исследователь).

Стремительное усиление Совбеза тоже может быть связано с новыми персональными ориентирами Путина.

«В 2015 году [после Крыма] Путин решил прекратить все эти постмодернистские игры и откатиться на советскую модель, которая предполагала огромную роль ЦК [КПСС]. При ЦК даже спецслужбы играли чисто вспомогательную роль», — говорит Солдатов, пытаюсь описать малопонятные внешнему наблюдателю современные отношения между Совбезом, администрацией президента (куда входит аппарат Совбеза), спецслужбами, силовыми ведомствами и министерствами. «Люди из АП всегда говорили: „Мы — это ЦК“, — но сейчас это и правда приблизилось к состоянию середины 1980-х», — отмечает Солдатов.

Гаазе указывает и еще на одно важное событие, из-за которого у членов Совета безопасности могли перемениться настроения, вслед за чем изменилась и природа политического насилия в России: «Они даже после Крыма, даже после „боинга“ [сбитого в Донбассе] хоть как-то оглядывались на международное право, — рассуждает исследователь. — Но потом увидели события в Белоруссии — и отвязались: „Нас Гаага больше не пугает. Не страшно нам“».

*Авторы: Лилия Яппарова*

*Редактор: Валерий Игуменов*

## **ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?**

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

**ПОДДЕРЖАТЬ**

**«Нежелательные организации»**



Российские власти используют законодательство о «нежелательных» организациях для давления на НКО и цензурирования их деятельности.

16  502 

## Иноагенты

23  1229 